

сочетания внешней политической лояльности в официальных трудах с тайной непримиримой оппозиционностью²⁴.

Всю свою эрудицию, обширные знания и жизненный опыт Прокопий отдает на службу императору. Порою он доходит до позорной лести василевсу, василисе и их любимцам. Однако в Прокопии рядом с придворным льстецом живет другой человек: это страстный обличитель юстиниановского режима, пылающий непреоборимой ненавистью к императору Юстиниану, императрице Феодоре и их клевретам. Писательская слава не могла заглушить в душе Прокопия разочарования и глубокой неудовлетворенности своими официальными творениями. Все сильнее зрело решение написать сочинение, где бы все тайное сделалось явным. Плодом глубоких раздумий, борения острых политических и личных страстей, партийных симпатий и антипатий явилась его «Тайная история», произведение поистине единственное в своем роде во всей средневековой историографии.

«Тайная история» как бы собрала в единый, туго сплетенный клубок все наблюдения автора, весь его трудный жизненный опыт, с предельной откровенностью обнажила его политические настроения, его жизненное кредо. В предисловии к этому необычайному произведению Прокопий сам объясняет задачи своего труда. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла.

Справедливо и неоднократно отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле этого слова, а скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами²⁵. В непримиримой злобе к правительству Юстиниана Прокопий теряет свой трезвый ум, забывает о необходимости для историка строго проверять все факты. Он неразборчиво собирает самые грязные сплетни, чтобы скомпрометировать Юстиниана и Феодору. «Тайная история» полна самых нелепых, порою несправедливых нападок на императора, который изображается неким демоном, пришедшим в империю, чтобы губить ее подданных.

Причиной оппозиционных настроений Прокопия, естественно, были не только личные, нравственные качества историка, не только его ненависть к правительству, проистекающая, быть может, от каких-то обид, причиненных ему при дворе. Эта оппозиционность Прокопия имела более глубокие социальные корни. Его раздвоенность была порождена самой жизнью, сложнейшей идейно-политической борьбой внутри господствующего класса империи VI в.

Для мировоззрения Прокопия характерно, что он нападает на правительство Юстиниана справа, с позиций консервативных кругов старой сенаторской аристократии. Оппозиционность Прокопия отнюдь

²⁴ З. В. Удальцова. Мировоззрение византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. — ВВ. 31, 1971, стр. 8—22; К. Gantar. Kaiser Justinian als kopflöser Dämon. — BZ. 54, 1961; *idem*. Procops «Schaustellung der Tapferkeit». — «Ziva Antika», 12, 1962, № 2; *idem*. Kaiser Justinian «jenem Herbststern gleich». — «Museum Helveticum», 10, 1962; *idem*. Der betrogene Justinian. — BZ, 56, 1963.

²⁵ Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1908, В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, vol. I. Berlin, 1960.